

Международный симпозиум «Пересмотр “дела Лысенко”»

Под таким названием 5 февраля 2012 г. в Токио состоялся международный симпозиум, организованный исследовательской группой проекта «“Генштаб” науки: всестороннее исследование Российской (Советской) академии наук» и отделением истории биологических наук Японского общества истории науки. На симпозиуме присутствовали более 60 человек из разных японских университетов, в том числе известные в Японии философы и политологи (Минори Акима¹ (*Minori Akima*), Тэцуро Като (*Tetsuro Kato*) и др.). Открыла заседание историк геологии Митико Яджима (*Michiko Yajima*), председательствовал крупный историк биологии Акихиса Сэтогути (*Akihisa Setoguchi*). Подбор докладчиков и ход обсуждения стал еще одним подтверждением возрождения интереса в международном научном сообществе к феномену лысенкоизма и отразил наметившуюся тенденцию поиска новых подходов к изучению социально-культурных, политико-идеологических и научных аспектов дискуссий генетиков и приверженцев лысенкоизма. В какой-то степени симпозиум в Токио продолжил обсуждение вопросов, поднятых в ходе реализации крупного международного проекта «Лысенкоизм», в рамках которого прошли две крупные международные конференции в Нью-Йорке (2009) и Вене (2012).

Во вступительном слове руководитель проекта по истории Российской академии наук профессор Хиросимского университета Хироши Итикава² (*Hiroshi Ichikawa*) сконцентрировал внимание на новых подходах к изучению советской науки, связанных с отказом от тоталитарной модели истории советской науки и с переходом к восприятию ее в рамках концепции общества «централизованного плюрализма» в смысле Алека Ноува (1977). В связи с этим за многими странными событиями советской истории науки, включая лысенкоизм, можно увидеть скрытую борьбу различных групп ученых за сферы влияния, покровительство властей, финансово-материальные и людские ресурсы. В то же время для японских историков науки особый интерес представляет вопрос о том, как Академии наук в СССР удавалось в XX в. сохранить функции главного научно-исследовательского учреждения страны, которое определяло основные направления развития науки и осуществляло ее административное управление. Особенно интересен, по мнению докладчика, тот факт, что и после краха прежнего режима, несмотря на все попытки новых властей развивать университетскую науку, во всем мире основные достижения

¹ Здесь и далее в японских именах сначала дается личное имя, потом – фамилия.

² В своих русскоязычных работах этот исследователь транслитерирует свое имя как *Хироши Ичикава*.

фундаментальной науки в России все еще связывают с Академией наук.

Гостем симпозиума был почетный профессор Осацкого педагогического института Дзендзи Судзуки (*Zenji Suzuki*), ветеран мичуринского движения в Японии, насчитывавшего в годы его расцвета около 400 adeptов – студентов, биологов, инженеров, историков, философов, селекционеров и агрономов. Среди них были выдающийся агроном Фукусима (*Fukushima*) и даже генетики-менделлисты Ёсито Синото (*Yoshito Shinoto*), Кадзую Хадзама (*Kazuo Hazama*), Нитиэ Фукумото (*Nichie Fukumoto*) и др., которые на примерах подвойных гибридов обсуждали проблему взаимодействия среды и организмов и старались доказать возможность воздействия привоя на наследственность следующих поколений. В целом все эти исследования были реакцией на пропаганду идей Т. Д. Лысенко, И. В. Мичурина и их сторонников в Японии, осуществлявшуюся представителями социалистических и демократических кругов. По мере успехов генетики, особенно после расшифровки структуры ДНК, лысенкоизм стал терять своих сторонников в Японии и уже в конце 1950-х гг. практически превратился в маргинальное направление.

Такой же точки зрения придерживался ключевой докладчик с японской стороны – преподаватель Университета Досиса (*Doshisha University*) Цуёси Фудзиока (*Tsuyoshi Fujioka*). В докладе «Развитие исследований о лысенкоизме и японский лысенкоизм в свете мирового опыта» он показал, что после краткого периода интенсивного обсуждения причин появления и столь долгого существования лысенкоизма, последовавшего за снятием Н. С. Хрущева в 1964 г., в СССР

возникли трудности для дальнейших исследований и публикаций по данной проблеме. Мировую известность получили лишь работы А. Е. Гайсиновича и Ж. А. Медведева. В дальнейшем основные исследования шли в западных странах и их результаты были изложены в трудах М. Адамса, Д. Журавского, Р. Левонтина, Р. Левинса, Д. Лекорта, Е. Шихэн, которые анализировали лысенкоизм в широком проблемном поле взаимоотношений между сельским хозяйством, естествознанием, идеологией и властью. В последние два десятилетия российские историки науки подробно исследовали три главных момента в истории лысенкоизма: а) события «культурной революции» и их роль в возникновении лысенкоизма; 2) политическую победу лысенкоизма в середине 1930-х гг.; 3) послевоенный подъем лысенкоизма в связи с холодной войной и прямым вмешательством И. В. Сталина в дискуссию на стороне Лысенко, а также административные гонения на генетиков.

С холодной войной связано и возникновение мичуринского движения в Японии, которое изначально формировалось среди сторонников Советского Союза, выступавших за демилитаризацию и демократизацию Японии. Из биологов в этом движении участвовали также ученые, неудовлетворенные в 1940–1950-х гг. концепциями Т. Моргана. Поворотным пунктом в восприятии Лысенко в Японии стала августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., после которой большинство генетиков стали критиковать мичуринцев, а сторонники марксизма уверовали в лысенкоизм как единственно возможный вариант диалектико-материалистической биологии. По мнению докладчика, мичуринское движение в Японии достигло

апогея в 1954 г. благодаря активной деятельности Коммунистической партии, пропагандировавшей «успехи» социалистического сельского хозяйства и лысенкоизм как основу для внедрения передовых сельскохозяйственных технологий. Основные причины столь долгой популярности лысенкоизма в Японии докладчик видит, прежде всего, в отсутствии генетиков в демократических кругах, в слабой осведомленности японских биологов о работах советских генетиков, в засилье ламаркистов в японской биологии и поздней победе в ней синтетической теории эволюции, а также в том, что от ученых требовалась быстрая практическая отдача. В наши дни в связи с катастрофой на Фукусимской АЭС и обсуждением вопроса о влиянии низких доз радиоактивного излучения на наследственность организмов дискуссии вокруг лысенкоизма вновь обострились. Тем не менее, после дискредитации учения Лысенко большинство японских ученых считало его лженаукой, доказавшей и ошибочность марксизма.

В докладе Э. И. Колчинского были поставлены три цели: а) проанализировать современные подходы к изучению причин появления лысенкоизма и попыток его реабилитации в наши дни; 2) обрисовать социально-культурный контекст возникновения лысенкоизма; 3) раскрыть обстоятельства возникновения альянса между Трофимом Лысенко и его правой рукой и главным идеологом Исаем Презентом. По мнению докладчика, на сегодняшний день нет ни историко-научных, ни биологических оснований пересматривать оценку лысенкоизма как социально-политического феномена, связанного с общей «советизацией» науки и ее подчинением партийно-государственному контро-

лю и особенно с идеологизацией и политизацией биологии. В целом «советизация» оказала огромное влияние на социальный контекст и организацию научных исследований (их институционализацию, социализацию новых поколений ученых, систему подготовки кадров), на отношения науки с властью и обществом, на социальный статус ученых и их связи с зарубежными коллегами. В биологии же она вела к модификации стиля научных исследований и языка публикации их результатов, преобразованию соотношения между фундаментальными и прикладными исследованиями, смене доминирующих концепций. Лысенкоизм стал итогом многочисленных попыток создать различные варианты «идеологически корректной науки» вроде «пролетарской», «диалектической» и «мичуринской» биологии и т. д.

Обращаясь к историческим интерпретациям августовской сессии ВАСХНИЛ как наиболее яркого примера вмешательства авторитарной власти в научные дискуссии, К. О. Россиянов выдвинул ряд соображений о мотивах, которыми руководствовалась и сама власть, и участвовавшие в этом процессе группы ученых. По мнению докладчика, власть предрежащие в своих предпочтениях исходили не столько из практической значимости противостоящих концепций, сколько из их фундаментальных основ, в которых они усматривали значимые для режима ценности. В этом свете победа лысенкоизма стала своеобразной ценой, которую заплатила российская биология за то чрезвычайное значение, которое советское правительство придавало фундаментальной науке, усматривая в ней основу своей идеологии и политики.

Комментируя доклады, молодой доктор наук Хирофуми Сайто (*Hirofumi Saito*) поднял ряд вопросов, вызвавших оживленную дискуссию. Прежде всего, он указал на пробелы в изучении истории лысенкоизма, связанные с отсутствием документальных свидетельств о деятельности Лысенко в Одессе в 1932–1934 гг. и во время Второй мировой войны, а также на необходимость новых интерпретаций лысенкоизма как научного, а не только социально-политического феномена. По его мнению, нельзя забывать о широком применении методов яровизации и «прививочных гибридов», оказавшихся якобы эффективными в условиях японского климата. В итоге слабое знакомство японских ученых с западной наукой и их интерес к пропаганде достижений советской биологии позволили им непредвзято воспринимать труды лысенкоистов, извлекая из них ценные идеи о влиянии внешней среды на онтогенез и о цитоплазматической наследственности. Более подробно свои взгляды о необходимости переоценки лысенкоизма в свете японского опыта Сайто изложил в докладе «Какие вопросы теория Лысенко вызвала у японских биологов и какую пользу для генетики они смогли из нее вынести», который был прочитан через два дня, 7 февраля, на семинаре по истории науки в Токийском государственном технологическом университете. Здесь он еще раз выразил несогласие с оценкой Л. Грэхемом теории Лысенко как псевдонауки и

пытался доказать вклад Лысенко в снабжение продовольствием СССР во время войны.

Подобная позиция вызвала бурную дискуссию. Выступая в качестве комментатора доклада Сайто, Колчинский подчеркнул необходимость критического отношения к советским публикациям, а также призвал учитывать изначальную фальсифицированность архивных материалов и отсутствие каких-либо доказательств успехов Лысенко в решении практических проблем. Бесперспективно искать в его мутных и экспериментально непроверяемых рассуждениях некое предвидение современных идей об эпигеномной и цитоплазматической наследственности, а тем более наследование посредством прионов. Подобные воззрения базируются на методологии презентизма и сродни попыткам в сказках о ковре-самолете усмотреть идею современных самолетов, а Ивана Грозного, видевшего насквозь своих «бояр-изменников», считать изобретателем рентгеновского аппарата.

Тем не менее доклады и дискуссии, состоявшиеся в феврале 2012 г. в столице Японии, еще раз показали, что в истории науки нет никаких раз и навсегда решенных проблем и окончательных оценок. Другой вопрос, а что же нового в «новых» подходах к лысенкоизму и не идут ли его апологеты по кругу в своих рассуждениях, ссылаясь на национальные особенности японской или российской науки?

Э. И. Колчинский